

Таким образом, формы французского эпистемического кондиционала, передаются в русском переводе изъявительным наклонением. Вместе с тем, отсутствие эпистемической оценки не исключает варьирования глагольного времени.

Е. В. Рубанова (МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА ЖИЗНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена экзистенциальной метафоре жизни в русском языке, исследуемой на материале Национального корпуса русского языка. Как пишет Дж. Лакофф, «Metaphor allows us to understand a relatively abstract or inherently unstructured subject matter in terms of a more concrete, or at least a more highly structured subject matter» [1], т. е. метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей. Значит, интерпретация метафорического окружения лексемы *жизнь* поможет глубже понять довольно абстрактную сущность человеческой жизни и отношение к ней в русской языковой картине мира. Рассмотрим, какие свойства профилируются когнитивной структуре 'жизнь' в русском языке.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что жизнь наделяется физическими свойствами: она может быть *легкой* и *тяжелой*, *тихой* и *бурной*, *большой*, *длинной*, *полной*, *сочной*, может *сиять яркими красками* и быть *мрачной*, *обретать четкие контуры* и *быть покрытой туманом*, она обладает своим *темпом* и *ритмом* и т. д. Таким образом, жизни метафорически приписываются перцептивные характеристики размера, длины, объема, веса, цвета, слухового восприятия, тактильности.

При этом жизнь, наделенная предметностью, может изменять положение в пространстве: *жизнь перевернул*, *жизнь завертелась колесом*, *повернуть жизнь*, *жизнь обрела равновесие* и др., физическое состояние: *прожигать жизнь*, *жизнь кипит*, *вариться в жизни*, *жизнь дала трещину*. Например, известная носителям русского языка метафора «жизнь – река» реализуется в метафорических контекстах, приписывающих жизни свойство текучести (*жизнь течет*, *жизнь возвращается в прежнее русло*, *жизнь уносила меня как река*).

Вполне объяснимо в связи с вышесказанным и наделение жизни свойством движения: *жизнь идет свои чередом*, *жизнь прошла мимо*, *жизнь не стоит на месте*, *жизнь пролетела мимо*, *жизнь шла вкривь и вкось*, *жизнь пойдет по другой колее*, *жизнь движется вперед*. В подобных контекстах отражается не только свойство жизни продолжаться определенный период времени, но и характер движения, который метафорически указывает на качество жизни.

Последние примеры связаны с объективно присущей человеческой жизни характеристикой – протяженностью во времени. На темпоральные характеристики жизни указывают метафоры типа *начинать жизнь*, *жизнь*

продолжается, жизнь заканчивается, жизнь позади, оборвать жизнь, долгая жизнь, короткая жизнь и др. На конечность человеческой жизни указывают многие метафоры, однако в примерах из религиозного дискурса встречаются указания на *бесконечную* жизнь, что обусловлено религиозными воззрениями русских. С религиозными и философскими идеями связана метафора «жизнь – дар (божий)». Ее отражение находим в сочетаниях *дать жизнь, дать новую жизнь, вторая жизнь, пустить в другую жизнь, подарить жизнь, дать право на жизнь, вдохнуть жизнь*.

Метафора жизни также отражает антропоцентрический характер языка и мышления. Так, жизнь ассоциативно связывается с человеком и его деятельностью: *жизнь играет, жизнь ждет, жизнь стучалась, жизнь оберегает, жизнь лущует, жизнь пряталась, жизнь ниточку с ниточкой вяжет, жизнь снабдила, жизнь развела*. Ей приписываются вербальные возможности: *жизнь подтвердила, жизнь подсказала, жизнь опровергает*. В языке жизнь наделяется интеллектуальными свойствами: *жизнь учит, научила, заставляет задуматься*. Жизнь не только учит, но и управляет людьми: *жизнь диктует, жизнь крутит людьми, жизнь подтолкнула, жизнь требовала*. Ей приписываются эмоции: *суровая жизнь, жизнь любит смелых, жизнь торжествует*.

И одновременно с таким взглядом на жизнь в языковой картине мире жизнь предстает как некий бездушный пазл, образование элементов, конструктор: *жизнь сложилась, образуется, сложно устроена, состояла из, полна, складывалась*. Подобные свойства высвечиваются и в метафоре «жизнь – стройка»: *строить жизнь, восстанавливать жизнь, разрушать жизнь, сломать жизнь*.

Ассоциативно жизнь связывается с книгой (*книга жизни, жизнь – открытая книга, жизнь – роман, проза жизни*), театром (*жизнь – театр, жизнь – театр абсурда*), игрой (*вся наша жизнь – игра, жизнь – игра командная, жизнь – компьютерная игра*), то есть результатами творческой и интеллектуальной деятельности человека; с физиологическими состояниями (*жизнь – сон, жизнь – необратимый процесс*); с образами животного и растительного мира (*жизнь – зебра, жизнь – подстреленная птица, жизнь – джунгли*); гастрономией (*жизнь – сплошной мармелад, жизнь – не сахар*); с абстрактными категориями (*жизнь – миг, жизнь – чудо*) и др.

Таким образом, в русском языке для вербализации понятия жизни и ее характеристик действует довольно широкий вариатив метафор различной тематической отнесенности, который обеспечивает определенное понимание сложной абстрактной категории с помощью более очевидных и структурированных сущностей физического мира. По-видимому, вариативность восприятия действительности индивидом также отражается на выборе языковых средств отражения сущности жизни, что особенно очевидно при выборе авторских метафор жизни (*жизнь – гора, жизнь – зеркало мыслей, жизнь – крылья творчества и радости*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff. – Mode of access : <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf>. – Date of access : 10.01.2019.*

А. И. Рыко (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГОВОРАХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Западные южнорусские говоры южной части Невельского района Псковской области и западной части Хиславичского района Смоленской области, согласно классификации 1915 г., относятся к северо-восточному говору белорусского языка (витебская и восточно-могилевская группы, соответственно). После перемещения административной границы в 1924 г. Невельский уезд, относившийся прежде к Витебской губернии, отошел к Псковской губернии, а Хиславичская волость была выделена из Мстиславского уезда и вошла в состав Смоленской области. Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Невельского и Хиславичского районов были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования диалектных черт, прежде определявшихся как белорусские, в рамках русского литературного языка. Поэтому спустя почти 100 лет возникает вопрос, каким образом происходит этот процесс: сохраняются ли в говорах нынешних сельских жителей белорусские черты? какие именно и в какой степени?

Особый интерес представляет вопрос о лингвистической самоидентификации жителей территорий, которые прежде были белорусскими. Практически все информанты как в Невельском, так и в Хиславичском районах не сомневаются в том, что они говорят по-русски, но при этом не умеют говорить «чисто» – так, как это предписывает русская литературная норма. При этом многие отмечают, что за пределами родных районов их часто принимают за белорусов, и объясняют это тем, что белорусская граница совсем рядом, поэтому в их языке «много белорусских слов». Заметим, что язык ближайших деревень по ту сторону границы (Россонского района Витебской области и Мстиславского района Могилевской) они не считают «настоящим» белорусским, утверждая, что на «настоящем» белорусском языке говорят «там дальше, ближе к Украине», т. е. имеется в виду или литературная норма, или юго-западные говоры.

Современная лингвистическая ситуация на этих территориях такова. В Невельском районе в языке старшего поколения (информанты 1920–1930-х гг. рождения) большая часть белорусских черт сохраняется, в то время как следующие поколения вообще не говорят на диалекте. В Хиславичском районе белорусские черты говора хорошо сохраняются не только в языке старшего поколения (информанты 1930-х гг. рождения), но у более молодых представителей говора (1950–1960-х гг. рождения), причем как у женщин,